

О теории художественной речи. М., 1971. 11. *Малышкин А.* Люди из захолустья. М., 1947. 12. *Соловьев С.* О некоторых особенностях стилистического мастерства Л. Толстого // В мире Толстого. М., 1978. 13. *Ситникова Е.* Модификации типа «маленького человека» в советской прозе 20-х годов // *Вопр рус. лит.* 1982. № 40. 14. *Толстой Л.* Дневники // *Полн. собр. соч.* В 90 т. М., 1950. 15. *Хватов Л.* От факта к художественному обобщению // *Лит. учеба.* 1981. № 6. 16. *Чичерин А.* Образ автора в «Войне и мире» Толстого. М., 1978.

Статья поступила в редколлегию 02. 02. 85

М. А. Назарок, доц.,
Черновицкий университет

Изображение народа в исторических романах С. Сергеева-Ценского периода Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны советские писатели часто обращались к историческому жанру. Создавая произведения о прошлом нашей Родины, они укрепляли боевой дух советских людей, выдвигали образцы, достойные подражания. Особенно много внимания к историческому жанру проявил в военное время С. Сергеев-Ценский. Он написал тогда романы «Пушки выдвигают», «Пушки заговорили», «Бурная весна», «Горячее лето». Кроме этого, создал ряд рассказов и повестей о защитниках Севастополя во время Крымской войны. Эти произведения воспитывали в трудные военные годы высокие патриотические чувства, о чем свидетельствуют, в частности, письма солдат и офицеров Советской Армии.

Важнейшее место в исторических романах С. Сергеева-Ценского военных лет занимает изображение народа. Следует отметить, что проблема народа — центральная во всем творчестве писателя. Уже в первых рассказах, особенно в рассказе «Тундра» (1903 г.), писатель решительно выступил против социальной несправедливости, показал тяжелую жизнь человека-труженика в капиталистическом обществе.

Художественное решение проблемы народа в творчестве С. Сергеева-Ценского находится в прямой зависимости от его идейно-эстетического роста. До Великого Октября и в первые советские годы, когда путь писателя был сложным и противоречивым, изображение народа в его произведениях характеризовалось нечеткостью и непоследовательностью. В произведениях раннего периода («Сад», «Бабаев», «Лесная топь» и др.) С. Сергеев-Ценский рисует впечатляющие картины бесправной, невыносимо трудной жизни простых людей, выражает твердую веру в их будущее, в преображение жизни. Отразил он в определенной мере и нарастание протеста рабочих и крестьян против царизма, их социальную борьбу. И вместе с этим, обращаясь к деревне, писатель преувеличивал косность, темноту и пассивность крестьян. Деревня Татьяновка в повести «Сад» — «точно костер из сухой перегни-

шей соломы, пропитанной миазмами, который кто-то собрал в одно место и приготовился поджечь, чтобы очистить воздух» [2, т. 1, с. 141]. Шевардин, наблюдавший жизнь деревни, думал, что она «осуждена идти волчьим шагом и что иною эту жизнь нельзя представить» [2, т. 1, с. 150].

В конце 1900 — начале 1910-х гг. мировоззрение С. Сергеева-Ценского значительно углубляется. Первостепенное значение здесь, безусловно, имели события первой русской революции и новый подъем революционной борьбы в начале 10-х годов XX в. На новую высоту поднимается и творчество писателя. В повести «Печаль полей» (1909 г.) он создал могучий, полный сил образ Никиты Дехтянского, являющегося выразителем чувств и мыслей народа. В произведении убедительно выступает мысль о неиссякаемых силах народа — подлинного хозяина жизни. Всеми образами повести «Сергеев-Ценский», — отмечает М. Шорыгина, — отвечает: будущее в народе» [4, с. 125].

Проблема народа занимает важнейшее место в поэме «Медвежонок», повести «Наклонная Елена» и романе «Валя». Как и в «Печали полей», в них выражены глубокие патриотические чувства писателя, его вера в народ. Впервые в своем творчестве С. Сергеев-Ценский с позиций реализма нарисовал широкие картины ужасающей нищеты и каторжного труда шахтеров Донбасса («Наклонная Елена»). Существенным является и то, что в «Наклонной Елене» и «Вале» ставится и решается важнейшая тема народа и интеллигенции. Только близость к народу, утверждает писатель, позволяет интеллигенции найти верный путь в жизни. Подтверждает это описание судьбы инженера Матийцева.

Отмечая определенные достижения С. Сергеева-Ценского в изображении народа в дооктябрьский период, следует сказать, что писатель, страстно мечтавший о преображении жизни, не имел тогда ясного представления о путях и средствах этого преобразования. Он не сумел подняться до изображения трудящихся масс как движущей силы истории, не отразил четко и последовательно, как это сделали в то время М. Горький и А. Серафимович, революционный протест крестьянства.

После победы Великого Октября С. Сергеев-Ценский искренне стремился понять значение великого исторического поворота в судьбах народа. Однако это осложнялось недостаточной четкостью его политических взглядов. Только во второй половине 20-х годов он смог создать произведения, которые свидетельствовали о переломе в его творчестве.

Противоречия во взглядах, мировоззрении С. Сергеева-Ценского отрицательно сказались и на изображении народа в его произведениях. Обращаясь к гражданской войне и первым послевоенным годам, он заострил внимание на элементах стихийности, жестокости и произвола, говорил о падении нравственных устоев. Но уже во второй половине 20-х годов писатель подмечает и те коренные преобразования, которые происходили в жизни народа. Он нарисовал замечательный образ борца за народ — большевика Федора Титкова (рассказ «Живая вода»). С начала 30-х годов,

когда писатель стал на позиции социалистического реализма, народ находит в его произведениях глубоко реалистическое изображение. Это относится прежде всего к историческим романам, созданным в 30-е годы и в период Великой Отечественной войны.

Создавая исторические романы, С. Сергеев-Ценский следовал традициям русских писателей-классиков, творчески продолжал эти традиции. Он усваивал творческий опыт Л. Толстого, блестяще запечатлевшего подвиг русского народа в Отечественной войне 1812 г. и в период обороны Севастополя.

Большую помощь С. Сергееву-Ценскому оказал опыт советских писателей — М. Горького, А. Толстого, М. Шолохова, Д. Фурманова, А. Серафимовича, А. Чапыгина, А. Новикова-Прибоя и др., их произведения на исторические темы, о Великом Октябре, гражданской войне, где народ выступает как основная, решающая сила истории.

В исторических романах С. Сергеева-Ценского народ изображен в исключительно сложных, переломных исторических эпохах: в «Севастопольской страде» в период Крымской войны, в романах «Пушки выдвигают», «Пушки заговорили», «Бурная весна», «Горячее лето» — в бурное время первой мировой войны.

События Крымской войны отстоят от событий мировой войны почти на шестьдесят лет. Прошедшие годы характеризовались жестокой политической борьбой, крайним обострением противоречий капитализма. Народ прошел за эти годы большой путь в своем развитии. Другими стали социальные и экономические условия его жизни. Все это определяло творческие планы писателя, его подход к раскрытию проблемы народа. В «Севастопольской страде» главное внимание уделяется изображению подвига солдат и матросов, защищающих родную землю. В романах об империалистической войне тоже есть сцены, отражающие героизм и мужество русских солдат. Но народ тогда все более осознавал империалистический характер войны и не желал проливать кровь за чуждые ему интересы. Поэтому С. Сергеев-Ценский стремится прежде всего показать рост политического сознания трудящихся, их отрицательное отношение к захватнической войне. Писатель сосредоточивает свое внимание на изображении исключительно тяжелого положения народа. «О тяжелом положении рабочих Петербурга, — отмечает С. Сергеев-Ценский, — особенно на таких важных заводах, как Путиловский, Обуховский, «Новый Леснер»... не раз поднимался вопрос в Государственной думе депутатами фракции большевиков, но, по выражению одного из них, «как бессмысленно прививать оспу телеграфным столбам, так же бессмысленно говорить о положении рабочих в черносотенной помещичьей думе» [2, т. 9, с. 250—251].

Трудящиеся под руководством большевистской партии все шире и шире разворачивали борьбу за свои права. С. Сергеев-Ценский изобразил, в частности, мощный размах стачечного движения в середине 1914 г., когда рабочих Петербурга поддерживали рабочие многих других городов, когда обычные приемы «усмирения» — стрельба и аресты — не прекращали, а расширяли ре-

волюционную борьбу. В Петербурге «полиция, как ни стреляла, вынуждена была бежать, осыпаясь градом камней, бастующие останавливали уличное движение... магазины и лавки закрывались сами... казенные винные лавки и трактиры закрывались рабочими. Почти все фабрики и заводы стали.

В день приезда Пуанкаре, 7 июля, число бастовавших рабочих в Петербурге дошло до 130 000. Полиция уже не в состоянии была рассеять их» [2, т. 9, с. 251].

Стремление царизма подавить мощное революционное движение явилось, как показал писатель, одной из серьезных причин войны. Эта мысль достаточно убедительно раскрывается в той сцене романа «Пушки выдвигают», где изображено заседание совета министров, обсуждающее австрийскую ноту. Министр внутренних дел заявил: «Страна очень несопокойна... Положенье напоминает тысяча девятьсот пятый год... Остается, чтобы, по примеру тысяча девятьсот пятого года, начались бунты на наших военных судах и в частях наших сухопутных войск!.. но есть средство, которое способно сразу положить конец начинающейся гражданской войне, и средство это — мобилизация!» [2, т. 9, с. 279—280].

В романах С. Сергеева-Ценского много массовых сцен. Рисуя большие, многолюдные картины, писатель время от времени выделяет отдельные лица, раскрывает образ народа в ярких индивидуальных образах. Этим достигается еще более четкая характеристика всей массы народа, еще полнее раскрывается его героизм. В данном случае писатель удачно решает сложную проблему художественного мастерства — проблему гармонического изображения коллектива и отдельных лиц.

Из общей массы солдат выделяется Кузьма Дьяконов. Пожилой уже ополченец, он серьезно относится к своим воинским обязанностям, проявляет смелость, инициативу и сообразительность. Командир роты представил его к награде за захват двух вражеских пушек.

Запоминается созданный писателем мужественный облик младшего унтер-офицера Милешкина. В нечеловеческих условиях плена он остался верным Родине, не уронил своего человеческого достоинства. Освобожденный русскими войсками, Милешкин отважно сражался в рукопашной схватке с врагом; о товарищах, погибших в плену, он написал стихи, хотя и не отличающиеся художественными достоинствами, но идущие, как говорится, от самого сердца.

Одним-двумя меткими штрихами нарисован солдат Тептерев. Он смел и мужествен в бою; спас командира роты Ливенцева, чуть было не утонувшего в реке. И не подозревая, что совершил подвиг, он спросил, когда ему вручали медаль: «За что же это?»

Смелостью, деловитостью и энергией привлекает читателя командир отделения Бударин. «Это был, — пишет С. Сергеев-Ценский, — что называется, разбитной малый, способный сразу прилипнуть к любому делу в роте вплотную, как муха к липкой бумаге. Притом его не нужно было заставлять повторять приказания, как приходилось это делать с другими сплошь и рядом:

он как будто все возможные приказания заранее знал наизусть, — с двух-трех первых слов понимающе кивал круглым, как яблоко, подбородком и выполнять приказание сразу бросался со всех ног» [2, т. 11, с. 249].

В романах о первой мировой войне, как и в «Севастопольской страде», писатель говорит о героизме и мужестве русских солдат, показывает тяжелые будни боевой жизни. Это хорошо отображено в главах о сражениях в Восточной Пруссии («Пушки заговорили»), Галиции («Лютая зима»), о Брусиловском прорыве («Бурная весна», «Горячее лето»). Но в основном речь теперь идет об отношении к войне, о росте революционного сознания трудового народа. Это вполне закономерно и свидетельствует о глубоком понимании С. Сергеевым-Ценским характера изображаемой эпохи, основных ее тенденций.

В романах «Пушки выдвигают» и «Пушки заговорили», отражающих жизнь России непосредственно перед войной и в первые месяцы после ее начала, большое идейное звучание приобретает описание массовых стачек и уличных демонстраций 1914 г., когда в России был налицо революционный кризис. На ряде примеров показана ненависть народа к войне. Нескрываемо враждебно был встречен царский указ о мобилизации. У солдат не было желания воевать. Командир роты Ливенцев замечает, что у солдат «была затаенная обида на эту нелепую мобилизацию». Среди них «не было никого, кто бы стремился как можно скорее положить свой живот за веру-царя» [2, т. 10, с. 24]. Узнав о близкой отправке на фронт, один из солдат открыто высказал мысли всех сослуживцев: «Кончено, значит! Отжевались бычки, пора под обушок гнать!» [2, т. 10, с. 469]. Медсестра Еля говорит о «нижних чинах, которые членовредительством занимаются и сулему пьют, чтобы их отпустили» [2, т. 10, с. 414—415]. А прапорщик Яблочкин считает даже, что существует «бактерия войны», только ее еще не нашли. «А когда отыщут, — говорит он, — вот это будет торжество прогресса! Тогда всем министрам в первую голову скажут: портфель получили? Пожалуйте на противovoенную прививочку! И чтобы без свидетельства о прививке никого в министры не сажать» [2, т. 10, с. 493].

В исторических романах С. Сергеева-Ценского, реалистически изображающих первые два года войны, описаны многие сцены, картины, эпизоды, показывающие, каким тяжелым бременем ложилась война на народ, какие нечеловеческие трудности приходилось переносить солдатам. Часто они гибли из-за бездарности командиров и в первую очередь царя как верховного главнокомандующего. Не было организовано снабжение оружием, патронами, снарядами, питанием. Землянки оборудовались плохо, в зимнее время было много обмороженных и даже замерзших.

Во время империалистической войны росло революционное недовольство в широких массах, резко усиливалась стачечная борьба. В результате огромной работы большевиков в армии среди солдат зрела ненависть к войне, к самодержавию. Все чаще и чаще наблюдались случаи братания на фронте. В 1916 г. оно

стало частым явлением. Не желая воевать за чуждые интересы, солдаты нередко бросали фронт, уходили в тыл. С. Сергеев-Ценский сумел отразить отдельные стороны этого преобразования народа, показать, какое революционизирующее влияние оказала на него война. Писатель подмечает, как откровенно светится в глазах раненых «надежда на то, что они уже отвоевались, что пока они как следует оправятся от ран, окончится эта сумасшедшая война...» [2, т. 10, с. 630].

Хорошо характеризуют настроение солдат и те секретные бумаги, которые посылаются в воинские части вместе с пополнением. Пополнение, прибывшее в полк Ковалевского, аттестовалось как «затрунутое преступной пораженческой пропагандой» [2, т. 10, с. 675]. Заметно, что солдаты стали злее, смотрят на свое начальство с ненавистью и недоверием. Командир дивизии Гильчевскому бросилось в глаза, какой «тяжелый» взгляд был у многих солдат: «Это и я тоже заметил, — отозвался Протазанов... — физически народ подходящий, а психика стала уже не та, какая была год назад... Через год люди, надо полагать, будут глядеть на свое начальство еще нелюдимере» [2, т. 11, с. 108].

Обеспокоенное ростом революционных настроений в армии, командование фронтом требует, чтобы офицеры активнее вели пропагандистскую работу среди солдат, воспитывали их в духе преданности самодержавию.

Тянувшаяся многие месяцы война вызывала все больше ненависти у народа, солдаты отказывались выполнять приказы начальства, стремились быстрее попасть домой. Кузьма Дьяконов, вспоминая родную Керчь, близких, все свое хозяйство, жалобно выводит: «Одной бы я корочкой питался...» [2, т. 11, с. 357]. Нежелание воевать наглядно проявляется в членовредительстве и массовом дезертирстве. Только в роте Ливенцева произошел тридцать один случай самострела. Протест против войны принимает и более решительные формы. Около двухсот солдат одного из полков самовольно оставили боевые позиции и ушли в тыл. Ушли, несмотря на сильную вьюгу и мороз. Солдат, наблюдавший эту сцену, заметил, что они не дойдут, замерзнут, ему возразили: «Раз люди пошли, то, значит, должны дойти, куда надо! У них тогда здесь горит, понял? — ткнул он себя в грудь против сердца. — И никакой им ветер-мороз тогда не страшен...» [2, т. 10, с. 729]. Командир полка, после того как солдаты ушли в тыл, вынужден был заявить, что это настоящий бунт, дисциплины в полку больше нет.

В романе «Бурная весна» писатель подчеркивает, что уже весной 1916 г. «очень энергично пришлось бороться с пораженчеством, так как случилось, что во время сражения кто-нибудь из солдат начинал вдруг кричать: «Что же это, братцы, на убой, что ли, нас сюда пригнали? Давай сдаваться!» — и целые роты, а иногда и батальоны нанизывали белые платки на свои штыки и шли в плен» [2, т. 11, с. 35].

Следует заметить, что в романах «Бурная весна» и «Горячее лето» процесс роста политического сознания трудящихся масс

получил значительно меньшее освещение, чем в других исторических романах С. Сергеева-Ценского о первой мировой войне. Между тем известно, что в 1916 г., когда происходит действие в этих произведениях, значительно усилилось стачечное движение рабочих. Под его влиянием более широкие размеры приняли и солдатские выступления на фронте.

В целом же С. Сергеев-Ценский немало уделил внимания решению проблемы «народ и война». Ему удалось нарисовать выразительные сцены, отражающие путь народа к социалистической революции. Созданные писателем образы из народа при всех особенностях их характеров и личных судеб воплощают важнейшие тенденции эпохи первой мировой войны — рост политической сознательности трудящихся масс, проникновение в их среду идей большевистской партии. Выдающиеся деятели литературы, искусства и науки М. Шолохов, А. Герасимов, В. Виноградов и др. писали, что в эпопее «Преображение России», в которую входят и исторические романы о первой мировой войне, «...война и народ — получила яркое образное решение [3].

В критике отмечались и отдельные недостатки в раскрытии С. Сергеевым-Ценским темы «народ и война». П. Плуکش верно считает, что С. Сергеев-Ценский не показал в романах о мировой войне «конкретной работы в войсках большевистской партии» [1, с. 238]. Безусловно, романы С. Сергеева-Ценского стали бы значительно глубже в идейном отношении, если бы в них были нарисованы колоритные образы большевиков и показана их революционная деятельность, как это сделали, например, М. Горький в «Жизни Клима Самгина», М. Шолохов в «Тихом Доне». В целом же народ в исторических романах С. Сергеева-Ценского о первой мировой войне выступает как решающая сила истории.

1. Плуکش П. И. С. Н. Сергеев-Ценский. М., 1968. 2. Сергеев-Ценский С. Н. Собрание сочинений: В 12 т. М., 1967. 3. Виноградов В., Герасимов А., Жильцов А., Пермитин Е., Томский Н., Храпченко М., Шолохов М. Выдающееся произведение XX века // Литература и жизнь. 1960. 10 февр. 4. Шорыгина М. И. Проблема народа в дооктябрьском творчестве С. Н. Сергеева-Ценского // Уч. зап. Московск. пед. ин-та. 1963. Т. 116. Вып. 4.

Статья поступила в редколлегию 25 10. 85

К. М. Пахарева, доц.,
Киевский университет

К творческой истории поэмы А. Твардовского «Дом у дороги»

Поэма А. Твардовского «Дом у дороги» пережила сложную творческую историю, глубоко исследованную П. Выходцевым, Е. Любаревой, А. Кондратовичем. Однако, как отмечал А. Кондратович, до сих пор «не представилось возможным рассмотреть детально